

Великая Российская революция 1917–1922 гг.

УДК 4(47).06

Сафонов М. М.
канд. ист. наук,
старший научный сотрудник
С.-Петербургского института истории РАН
(г. Санкт-Петербург)

Из истории отречения Николая II

В статье анализируются свидетельства главных очевидцев отречения последнего российского царя Николая II в хронологической последовательности их публикации и устанавливается взаимная связь между ними. Такой способ рассмотрения этих текстов дает возможность автору статьи определить тенденциозность их и вскрыть то, что участники старались различными способами скрыть от читателя. Автор приходит к заключению, что посланные в Псков новой властью А.И. Гучков и В.В. Шульгин оказывали сильное давление на царя, шантажируя его невозможностью оставить Алексея при родителях в случае отречения монарха в пользу сына и вынудили царя передать престол брату.

Ключевые слова: отречение, акт, манифест, царь Николай II, великий князь Михаил, цесаревич Алексей, А.И. Гучков, В.В. Шульгин.

The article analyzes the evidence of chief witnesses of the abdication of the last Russian Tsar Nicholas II in chronological order of their publication, and established a mutual bond between them. This method of consideration of these texts enables the author of the article to determine its biased nature and to reveal what the participants tried to hide from the reader in different ways. The author comes to the conclusion that A. I. Guchkov and V. V. Shulgin, which were sent to Pskov by the new government, exerted a strong pressure on the tsar, blackmailing his by inability to keep Alexei with parents in case of the abdication of the monarch in favor of his son and forced the tsar to pass the throne to his brother.

Keywords: abdication, act, manifesto, tsar Nicholas II, grand duke Michael, tsarevich Alexei, A. I. Guchkov, V. V. Shulgin.

Отречение Николая II – ключевой момент в истории Великой российской революции. Оно явилось эпилогом романовской династии: знаменовало собой начало падения монархии и крушения империи. Не-

смотря на обилие источников, освещающих, казалось бы, исчерпывающим образом это важнейшее для истории страны событие, мы до сих пор не можем сказать, как в действительности произошло отречение последнего русского царя.

Впервые о подробностях отречения кратко сообщили «Известия» 5 марта 1917 г. Они перепечатали текст «Известий Комитета петроградских журналистов», расклеенный накануне по городу в виде листовок. Согласно ему, посланные в Псков представители новой власти сообщили царю о том, что единственным выходом из создавшегося положения, когда царь остался без войск, является отречение. «После краткой беседы» Николай II заявил, что отречется в пользу брата Михаила, потому что ему «было бы очень тяжело расстаться со своим сыном». Тут же «был дан для подписи заготовленный заранее акт отречения и царь подписал его» [3].

В «Известиях», органе Петроградского совета, накануне отречения призывавшем низвергнуть царя, абдикация выглядела как низложение монарха. Но такая трактовка не могла устроить Временное правительство. Для легитимации своей власти, для сохранения линии преемственности ему был нужен не низложенный монарх, а добровольно передавший ее царь. Через два дня стали появляться свидетельства главных участников исторического события, корректирующие первую публикацию.

В тексте «Известий» многое оставалось туманным. Было понятно: Николай II отрекся в пользу брата потому, что не мог расстаться с сыном. Такое решение было объявлено помазанником после «краткой беседы» с посланцами из Петрограда. Но содержание ее не раскрывалось. Было неясно, решение царя являлось следствием этой беседы или же оно было принято до от нее и лишь объявлено после кратких переговоров с прибывшими из столицы. А главное – оставалось непонятным, кем был дан царю лишь для подписи «заготовленный заранее» акт и кто его заготовил?

7 марта 1917 г. октябристская газета «Русская Воля» поместила корреспонденцию В. Самоилова «Генерал Русский об отречении Николая II». А на следующий день кадетская «Речь» обнародовала «Подробности отречения» (Рассказ В.В. Шульгина). Осталось неизвестным, действительно ли журналист встречался с генералом, либо текст «интервью» был подготовлен одним газетчиком.

Когда Самоилов спросил Н.В. Рузского, правда ли, что он предотвратил кровопролитие, которое царь готовил народу, прибыв в Псков, чтобы убедить Рузского послать в Петроград несколько корпусов, главнокомандующий, улыбаясь, заявил, что оказал революции услугу гораздо большую: посылать войска не предлагал, потому что убедил Николая отречься.

Зачин интервью представлял скрытую полемику с «Известиями». Там говорилось: представитель Временного правительства советовал не посылать войска для подавления революции, потому что они все равно присоединятся к восстанию, а Временное правительство уже отдало приказ о возвращении посланных для подавления войск. Т. е. физическая невозможность осуществить репрессии заставила царя принять предложение представителя новой власти отречься.

Вопрос же журналиста вместе с ответом генерала снимал с царя обвинение в намерении устроить кровавую бойню. Эта октябристская «коррекция», была необходима для создания образа добровольно отрекшегося монарха: если монарх сознательно решил отречься, то к чему же посылать карательные отряды в Петроград? Разъяснение Рузского ставило все на свои места: царь и не собирался прибегать к репрессиям. Он думал о добровольном отказе от власти. Убедил же его в этом главнокомандующий Северным фронтом. Именно убедил, а не заставил! Да и убеждать-то сильно не пришлось. Вначале царь сам решил даровать ответственное министерство и подписал манифест об этом. Затем легко согласился с «советом» Рузского отречься. Потом сообщил главкосеву, что акт уже подписан и что он отрекается в пользу сына. Наконец, передал генералу подписанную им телеграмму об отречении. Но главкосев не отправил ее и воздержался от публикации манифеста об отречении ввиду ожидавшегося приезда депутации Думы. «Комиссары» прибыли в Псков в десятом часу. Несмотря на распоряжение главкосева, их привели не к нему, а сразу же в вагон царя. Когда Рузский туда пришел, А.И. Гучков докладывал о последних событиях.

Если «Известия» сообщали о том, что тезис Гучкова о невозможности употребить военную силу против восставших стал решающим аргументом в решении императора отречься, то согласно интервью, последней каплей явилось иное обстоятельство. «Особенно сильное впечатление на Николая II произвела весть о переходе его личного конвоя на сторону восставших войск. Этот факт его настолько поразил, что он дальнейший доклад Гучкова слушал уже невнимательно». Т. е., карателей посылать не собирался, но за сына испугался. «Дальнейшее вам уже известно из опубликованного в Известиях», – заявил Рузский. Но этим не ограничился и сообщил подробности, объясняющие «темные» места известинской публикации.

Тонем, «недопускающим двух решений», комиссар заключил, что Николаю следует отречься. На это царь ответил, что уже подписал акт об отречении в пользу сына, но теперь пришел к иному заключению. Поскольку Алексей не отличается крепким здоровьем, а он не желает рас-

статься с сыном, Николай решил уступить престол Михаилу. Посланцы Думы не возражали. «Царь вышел с Фредериксом в соседний вагон, составил новый текст отречения и вернулся в вагон, в котором находились комиссары. В течение десяти минут царило тягостное молчание. Наконец, явился Фредерикс с напечатанным на машинке актом отречения, который царь тут же подписал. А Фредерикс по предложению комиссаров и с согласия царя контрассигновал подпись. «Таким образом, в течение 24 часов Николаем последовательно было подписано три акта: в 2 часа ночи 2-го марта – манифест «о даровании ответственного министерства», в 3 часа дня отречение в пользу сына Алексея и, наконец, в 10 часов вечера «отречение в пользу Михаила», – заключил Рузский. Это резюме должно было не оставить сомнений у читателя: склонный к уступкам Николай еще до приезда комиссаров имел подписанный манифест в пользу сына, но, узнав о том, что цесаревич остался без личной охраны, решил передать престол брату. При этом свое решение он мотивировал не только нежеланием расстаться с цесаревичем, как утверждали «Известия», но и тем, что сын не отличался крепким здоровьем [9].

Описание отречения нельзя проверить другими документами, возникшими независимо от участников этого процесса. Но, главным критиком этого построения является сам Рузский. В июне 1917 г., когда ситуация изменилась, он рассказывал об этом же вел. кн. Андрею Владимировичу. Теперь уже бывший главком старался снять с себя обвинение в том, что убедил царя отречься. Для этого генерал усилил тезис о добровольности решения Николая об абдикации. Согласно великому князю, под влиянием главкомов царь в 15 часов согласился отречься в пользу Алексея и написал телеграмму об этом. Но Рузский не отправил ее, узнав о предстоящем приезде делегатов. С разрешения государя он решил прежде переговорить с депутатами и для этого сохранил телеграмму у себя. Он хотел спасти престиж помазанника: если они приедут за отречением, сказать им, что государь уже принял решение сам. Но их отвели к царю. Когда Рузский вошел, Гучков заканчивал свою речь о необходимости отречения в пользу Алексея. Генерал сказал В.В. Шульгину, что это уже сделано и передал телеграмму Николаю. Но царь к удивлению Рузского положил ее в карман. Затем все были «огорошены», когда Николай заявил, что решил отречься за себя и за сына. Свое решение он мотивировал тем, что Алексей «нуждается в серьезном уходе». От удивления депутаты переглянулись. Гучков сказал, «что такого решения они не ожидали». Они отправились в соседнее отделение обсудить услышанное. Николай ушел писать телеграмму. Шульгин же заявил, что «они решительно не знают,

как поступить». Не знали они и того, соответствует ли такое решение Основным законам. Рузский упрекнул их за то, что они приехали по такому важному делу и не захватили с собой ни законов, ни юриста. Шульгин оправдывался: «Они вовсе не ожидали такого решения государя». Вернувшись в салон, получили от царя уже подписанный манифест об отречении в пользу Михаила. Толпе, собравшейся у вагона, Гучков заявил: «Государь дал больше, нежели мы желали». Особо Рузский подчеркнул, он, мол, не знает, с какой целью приехали делегаты. Они не привезли с собой никаких бумаг, ни удостоверений, ни проекта. Никаких документов в их руках он не видел. Если они ехали просить об отречении и получили его, то незачем Гучкову было говорить, что они получили больше, нежели ожидали. «Я думаю, – заключил Рузский, – что они оба на отречение не рассчитывали» [5, с. 206–208].

Доминанта этого построения состоит в гипертрофированном выражении удивления добровольным решением царя отречься в пользу брата, к чему ни Рузский, ни депутаты не имели ни малейшего отношения. Определенно, генерал «перестарался». Разумеется, о сакральной фразе Гучкова о переходе конвоя, согласно интервью, переломившем настроение царя, Рузский теперь уже не вспоминал – другие времена.

В сентябре 1918 г. Рузский в рассказах монархисту С.Н. Вильчковскому попытался смыть с себя клеймо человека, убедившего царя отречься. Всю ответственность за отречение он переложил на председателя Думы М.В. Родзянко и М.В. Алексеева. Себя же представил человеком, который сделал все, чтобы не допустить отречения. В этом варианте главкосев утверждал, что царь в 14 часов объявил о решении отречься в пользу сына, составил на телеграфных бланках несколько черновиков отречения и передал «листки» Рузскому. Но главкосев сохранил текст у себя, чтобы уговорить делегатов избежать отречения. Царь колебался. Генерал ощущал «его видимое волнение и страдание в решении вопроса, как отречьшись в пользу сына, не быть с ним разлученным». Он не хотел обресть сына на страдания. К вечеру у Николая созрела мысль отречься и за него. Он сказал об этом посланцам Думы. Делегаты попросили разрешения выйти посоветоваться. У царя к их приезду был уже готов текст манифеста об отречении и ровно в 24 часа на 3-е марта он его подписал». «Подробности того, что происходило в вагоне государя, с прибытия Шульгина и Гучкова, уже известны, и Рузский на них в своих рассказах мало останавливается», – записал Вильчковский.

Сопоставляя все три рассказа главкосева о добровольном отречении Николая, можно прийти лишь к единственному заключению: ни

одному слову Рузского верить нельзя. Это всего лишь интерпретации, связанные с особенностями того момента, когда их записывали [см. подробно: 10, с. 465–473].

На следующий день после публикации интервью Рузского был обнародован рассказ В.В. Шульгина. Похоже, он уже ознакомился с интервью и поспешил «подправить» его: усилить тезис о добровольности отречения. Шульгин подтвердил основные моменты встречи с царем, но представил собственную их интерпретацию. Никаких предварительных контактов Рузского и делегатов не было. Царь решил отречься до их приезда. Как доказательство Шульгин привел реплику Рузского: «Это уже дело решенное», прозвучавшую в тот момент, когда Гучков предложил отречься в пользу Алексея. Шульгин подчеркнул лояльность царя к посланцам Думы. Николай поздоровался с ними «скорее любезно, чем холодно, подав руку». Автор опасался, что Гучков скажет царю «что-нибудь злое, безжалостное, но этого не случилось». Он «совершенно не коснулся прошлого». Николай же был еще спокойней Гучкова. Шульгин вложил в уста царя ту же самую фразу об абдикации, которая фигурировала в интервью Рузского. Только разбил ее на две части и вставил в нее обязательное указание на то, что до 15 часов царь собирался отречься в пользу сына. Да и в мотивировке переотречения указал только на невозможность расстаться с Алексеем, но не упомянул, как это сделал Главкосев, еще и о его слабом здоровье.

Чтобы подчеркнуть, что делегаты не имели своей целью добиться отречения в пользу Михаила, Шульгин заявил: это предложение застало их «врасплох». Они предвидели только отречение в пользу Алексея. Хотели выйти посоветоваться с глазу на глаз, но вскоре тут же «сдали» свою позицию. Далее в тексте Шульгина помещен очень важный пассаж. «Гучков сказал, что он не чувствует себя в силах вмешиваться в отцовские чувства и считает невозможным в этой области какое бы то ни было давление. Мне показалось, что в лице царя промелькнуло слабо выраженное удовлетворение за эти слова». Такими фразами автор как бы выдает себе и делегатам сертификат невинности: никакого давления на отцовские чувства царя не только не было, но об этом даже не смели и подумать. Себе Шульгин отвел также важную роль. Он заявил: «При неизбежной разлуке создается очень трудное, щекотливое положение. Так как маленький будет все время думать о своих отсутствующих родителях, и, быть может, в душе его будут расти недобрые чувства по отношению к людям, разлучившим его с отцом и матерью». Вместе с тем Шульгин добавил: новый монарх должен принести присягу кон-

ституции, совершеннолетний монарх может это сделать, а малолетний нет. Получив согласие, царь удалился писать манифест. Через 15 минут он вернулся и произнес: «Вот акт, прочтите». Шульгин дает понять, что они не передавали царю проекта отречения в пользу Михаила.

И согласие царя, и его участие в совместном редактировании нового текста должны были засвидетельствовать лояльное отношение добровольно отрекающегося к делегатам. Для того чтобы оттенить это обстоятельство, Шульгин засвидетельствовал: после того, как акт был одобрен, «мне кажется, произошел обмен рукопожатий, как-будто имевший сердечный характер. Впрочем, ... я ... могу и ошибаться. Может быть этого и не было». Уже некоторым перебором отдает фраза: «Мне кажется, что злых чувств ни с той ни с той, ни с другой стороны в это мгновение не было». «С внешней стороны царь был совершенно спокоен, но скорее дружелюбен, чем холоден». Конечно, ни о каком переходе конвоя речи в этой атмосфере быть не могло [6, с. 169–172].

В 1925 г. в эмиграции Шульгин опубликовал развернутую версию отречения, написанную уже с позиций монархиста. С фактической стороны она повторяла изложенное Шульгиным по горячим следам, но содержала и дополнительные подробности. В описание аудиенции Шульгин ввел новый эпизод. Пришедший с опозданием Рузский сказал ему, что из Петербурга двигаются вооруженные грузовики и спросил: «Неужели же ваши?». Шульгин обиделся. Сюжет о наступающих грузовиках понадобился автору для того, чтобы обосновать, почему они согласились с решением царя отречься в пользу Михаила. Автор старался показать, от какой смертельной опасности депутаты стремились спасти помазанника и членов династии. При полной анархии Михаил мог бы отречься, а Алексей нет. «И тогда, что они сделают, эти вооруженные грузовики, движущиеся по все дорогам? Наверное, и в Царское Село летят – проклятые ... и сделались у меня: «Мальчишки кровавые в глазах». Поместив пассаж о «кровавых мальчишках», он косвенно признал, какого рода аргументация имела место во время аудиенции: если Алексей примет престол, ему может грозить смерть. Все это якобы пронеслось в голове Шульгина. Но вслух при царе произнесено не было.

В развернутую версию Шульгин поместил свой разговор с начальником штаба глакосева Ю.Н. Даниловым о преимуществах отречения в пользу Михаила: «Если на престол взойдет малолетний Алексей, то придется решать очень трудный вопрос, останутся ли родители при нем, или же им придется разлучиться». Если они останутся, то отречение будет выглядеть фиктивным. Если же разлучить малолетнего государя с роди-

телями, то это нанесет ему моральную травму. Болезненный ребенок будет ненавидеть разлучивших его с родителями, как своих тюремщиков. Очевидно, и тут Шульгин таким замечанием старался убедить читателя в том, что вопрос возник только после того, как царь ушел писать отречение. До того же, когда Гучков убеждал его решиться на этот шаг, болезненная тема не затрагивалась. Это служило как бы еще одним доказательством того, что на царя никакого давления не оказывалось.

Шульгин «ввел» в текст Данилова, сделав его «записывающим», для того, чтобы предоставить себе возможность иметь собеседника и сказать ему о негативных последствиях разлучения наследника с родителями. Два года спустя в эмиграции были опубликованы воспоминания и самого «писаря». Они почти полностью повторяли версию Шульгина. Интерес же представляют те авторские приемы, которые мемуарист употребил, чтобы сделать эту версию более убедительной и снять с себя и Главкосева ответственность за переотречение. Это достигается за счет того, что всеми возможными способами подчеркивается отсутствие предварительных контактов штаба с делегатами. Тем же целям служит и заявление автора о том, что фраза царя о решении отречься в пользу Михаила стала такой неожиданностью для Главкосева и начштаба, так что они даже переглянулись, но вмешиваться в диалог царя не посмели. Представляется важной и фраза Данилова, которую он произнес в разговоре с Шульгиным, когда царь пошел писать манифест. Начальник штаба якобы спросил у собеседника, не будет ли подорвано здоровье Алексея, если его разлучат с родителями, и не станет ли в этом случае его воспитание «ненормальным». Особо подчеркнул Данилов, что он почувствовал полное удовлетворение от того, что донес до депутатов этот важный вопрос. Другими словами, Данилов «по-своему» дал понять читателю: в разговоре с царем, перед тем, как он объявил о своем решении отречься в пользу Михаила, никто из присутствующих тему «угроз» наследнику не поднимал [2, с. 237–240].

Интересно сопоставить свидетельства Шульгина с допросом А.И. Гучкова, обнародованном в один год с публикацией развернутой версии Шульгина. 2 августа 1917 г. Гучков дал разъяснения Чрезвычайной следственной комиссии. Главный свидетель поначалу пытался избежать какой-либо конкретики. «Я не знаю, нужно ли говорить со всеми подробностями?», — заявил он. Но в ответ услышал от следователя: «Если можно, остановитесь на этом вопросе, потому что немногие были свидетелями этого момента». Гучков подчеркнул, что хотел вначале повидать Рузского «для того, чтобы немножко ознакомиться с настроением, которое господствовало в Пскове, узнать, какого рода аргументацию следовало успешнее применять». Узнать

не удалось, но из его описания хода встречи нетрудно заключить, какую аргументацию, он считал наиболее успешной.

В вагоне они застали Фредерикса и К.А. Нарышкина, потом пришел Рузский и только после этого появился Николай. В изложении Шульгина Рузский пришел после царя. Настаивая на том, что контактов с Рузским до того, как делегаты оказались в поезде, не было, Гучков однако проговорился: какое-то время до появления царя они находились в одном помещении с главкосевом. И, следовательно, имели возможность обмениваться информацией. В отличие от Рузского и Шульгина, Гучков привел содержание своей речи. В ней было упоминание об опасности, которая угрожала семье императора в Царском Селе. Он рассказал, как лично принял конвой, пришедший в Таврический дворец, и завершил тем, что царю надеяться не на что, остается только отречься в пользу сына.

Николай ответил, что и сам в эти дни думал об отречении, но одно время собирался отречься в пользу сына, «*a теперь* (курсив мой – М.С.) решил, что не может расстаться с сыном», и поэтому решил сделать это в пользу брата таким образом. Гучков засвидетельствовал: решение Николая абдикировать в пользу Михаила было принято после того, как царю стало известно о смертельной опасности, угрожающей Алексею в Царском Селе. Это перекликалось с тем, о чем Рузский рассказывал в интервью. Хотя согласно Гучкову конфликта между депутатами и царем не было, но из упоминания о конвое следовало: давление на Николая оказывалось. Да еще какое! И решение царя передать власть брату было вызвано как раз страхом за жизнь семьи. Более того, Гучков заявил: «Государю не придется рассчитывать при этих условиях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому, что никто... не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения». У Рузского, во втором варианте его версии, Николай сам, без посторонней помощи, осознает невозможность расстаться с сыном. Если Шульгин утверждал, будто бы его напарник заявлял, что не может вмешиваться в семейные отношения и какое-либо давление в этом отношении считает невозможным, то Гучков же на допросе дезавуировал этот важнейший тезис.

Фраза Гучкова о том, что им ничего не оставалось, как подчиниться решению Николая, плохо маскирует тот факт, что на царя было оказано сильное давление. Ничего не стоят и заявления Гучкова в ответ на вопрос следователя, не оказывалось ли на царя давление: «Мне не пришлось настаивать, это вышло легко и просто». А между тем, ничем иным как непосредственным давлением нельзя назвать последующее

заявление Гучкова: «В таком случае необходимо сейчас же составить акт об отречении, что должно быть сделано немедленно» (курсив мой – М.С.). Гучков передал царю проект отречения, составленный накануне Шульгиным. (Шульгин признавал существование такого проекта, но о его передаче царю – ни слова). Царь взял проект и вышел. Депутаты час или полтора прождали в вагоне. (У Шульгина – только 15 минут). Затем царь вернулся и передал Гучкову «бумажку». На ней на пишущей машинке был написан акт отречения. Предложенные Шульгиным поправки «были сейчас же внесены в текст». Таким образом «акт отречения был готов» [7, с. 262–277].

Сопоставляя свидетельства главных участников отречения, невозможно не прийти к заключению: ими едва ли можно пользоваться как вполне достоверными источниками, как это часто делается, для того, чтобы представить процесс отречения как можно полнее и конкретнее. Достаточно сравнить их между собой, в частности, то, как они изображают, кто и где сидел во время аудиенции, чтобы возник вопрос – одну и ту же ли сцену они описывают? То же можно сказать относительно их показаний о внешнем виде актов отречения и их дальнейшей судьбе. Но эти противоречивые свидетельства несут в себе важную информацию о том, что их авторы стараются во что бы то ни стало скрыть. Бросается в глаза навязчивое стремление всех авторов отрицать какие-либо контакты штаба Северного фронта с посланцами Думы до того, как аудиенция началась. Между тем офицер для особых поручений при дворцовом коменданте Г.А. фон Таль такой контакт зафиксировал. Таль находился на платформе вокзала, когда делегаты вышли из вагона. К ним сразу же «подошли военный комендант станции Псков, что-то очень долго наговаривавший Гучкову» по приказанию... Рузского. «В это время к депутатам подошел адъютант» главкосева граф Шереметьев и «пригласил их к... Рузскому, но тут же подошел флигель-адъютант Мордвинов и передал, что государь... их просит в... поезд, куда они и пошли». Т. е. по приказанию Рузского приехавшим что-то сообщалось, и разговор этот продолжался «очень долго» [1, с. 187].

То, с каким упорством участники аудиенции старались во что бы то ни стало доказать в своих воспоминаниях, мол они никоим образом не стремились убедить царя в том, что передача трона Алексею повлечет за собой отлучение его от родителей, побуждает поверить в обратное. Иначе нельзя объяснить, почему этому пункту мемуаристы придавали такое гипертрофированное значение. Очевидно, обменявшись информацией с представителем Рузского на пути в царский вагон (а может быть

и с самим глакосевом в салоне до прихода царя) Гучков и Шульгин во время аудиенции убеждали царя, что ему следует передать престол Михаилу, если он не желает бросить сына на произвол судьбы. Видимо, и переход собственного конвоя и движение бронированных автомобилей сыграли роль весомых аргументов в пользу такого решения. При всей кажущейся невероятности такого истолкования их свидетельств, следует принять во внимание следующее. К тому моменту, когда Гучков и Шульгин, отправившиеся за отречением в пользу Алексея, прибыли в Псков, в Петрограде, после выступления П.Н. Милюкова в Таврическом дворце, настроения резко качнулись влево. Такая комбинация Петроградскому совету стала казаться неприемлемой. Вдогонку депутатам был отправлен специальный поезд. Они были задержаны в Луге и, выехав из столицы вдвоем, прибыли в Псков в сопровождении людей с красными бантами и винтовками. Причем именно эти «люди с ружьем» чувствовали себя хозяевами положения и определяли поведение делегатов Думы [см. подробно: 1, с. 250]. Гучков и Шульгин в изменившихся условиях были вынуждены добиваться отречения Николая II в пользу брата, иначе их не пропустили бы через Лугу. Потом они всячески старались скрыть это и убедить всех: решение самого царя было добровольным.

Список источников и литературы:

1. Архипов И. Поезд на конечном пути // Звезда. 2002. № 10.
2. Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровичу // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19
3. Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 марта.
4. Камер-фурьерский журнал. 1916–1917. СПб.: Д.А.Р.К., 2014. 1088 с.
5. Красный архив. 1928. Т. 1(26).
6. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М.: Советский писатель, 1990. 253 с.
7. Падение царского режима. Л., 1926. Т. VI.
8. Речь. 1917. 7 марта.
9. Русская Воля. 1917. 7 марта.
10. Сафонов М.М. Генерал Н.В. Ружский фальсифицирует историю // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. СПб., 2017.
11. Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. 2005. № 3: Между двух революций 1905–1917. С. 215–272.